

Юваль Ной Харари

BIG IDEAS

Sapiens

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Эта книга станет для науки об эволюции человека
тем же, чем для физики является
"Краткая история времени" Стивена Хокинга

Forbes

Юваль Ной Харари

**Sapiens. Краткая
история человечества**

Издательство «Синдбад»

2011

УДК 572.1/.4
ББК 28.71

Харари Ю.

Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Харари —
Издательство «Синдбад», 2011

ISBN 978-5-90-683723-3

Сто тысяч лет назад Homo sapiens был одним из как минимум шести видов человека, живших на этой планете, – ничем не примечательным животным, которое играло в экосистеме роль не большую, чем гориллы, светлячки или медузы. Но около семидесяти тысяч лет назад загадочное изменение когнитивных способностей Homo sapiens превратило его в хозяина планеты и кошмар экосистемы. Как человек разумный сумел покорить мир? Что стало с другими видами человека? Когда и почему появились деньги, государства и религия? Как возникали и рушились империи? Почему почти все общества ставили женщин ниже мужчин? Как наука и капитализм стали господствующими вероучениями современной эры? Становились ли люди с течением времени счастливее? Какое будущее нас ожидает? Юваль Харари показывает, как ход истории формировал человеческое общество и действительность вокруг него. Его книга прослеживает связь между событиями прошлого и проблемами современности и заставляет читателя пересмотреть все устоявшиеся представления об окружающем мире. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 572.1/.4
ББК 28.71

ISBN 978-5-90-683723-3

© Харари Ю., 2011

© Издательство «Синдбад», 2011

Содержание

Хронология Истории	7
Часть первая	8
Глава 1	9
Скелеты в шкафу	10
Цена разума	12
Прирожденные повара	15
Сторож брату своему	16
Глава 2	21
Легенда Peugeot SA	25
Обойти геном	30
История и биология	33
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юваль Ной Харари

Sapiens. Краткая история человечества

Памяти моего отца Шломо Харари

Copyright © 2011 by Yuval Noah Harari Russian Edition Copyright © by Sindbad Publishers Ltd. 2016; 2018

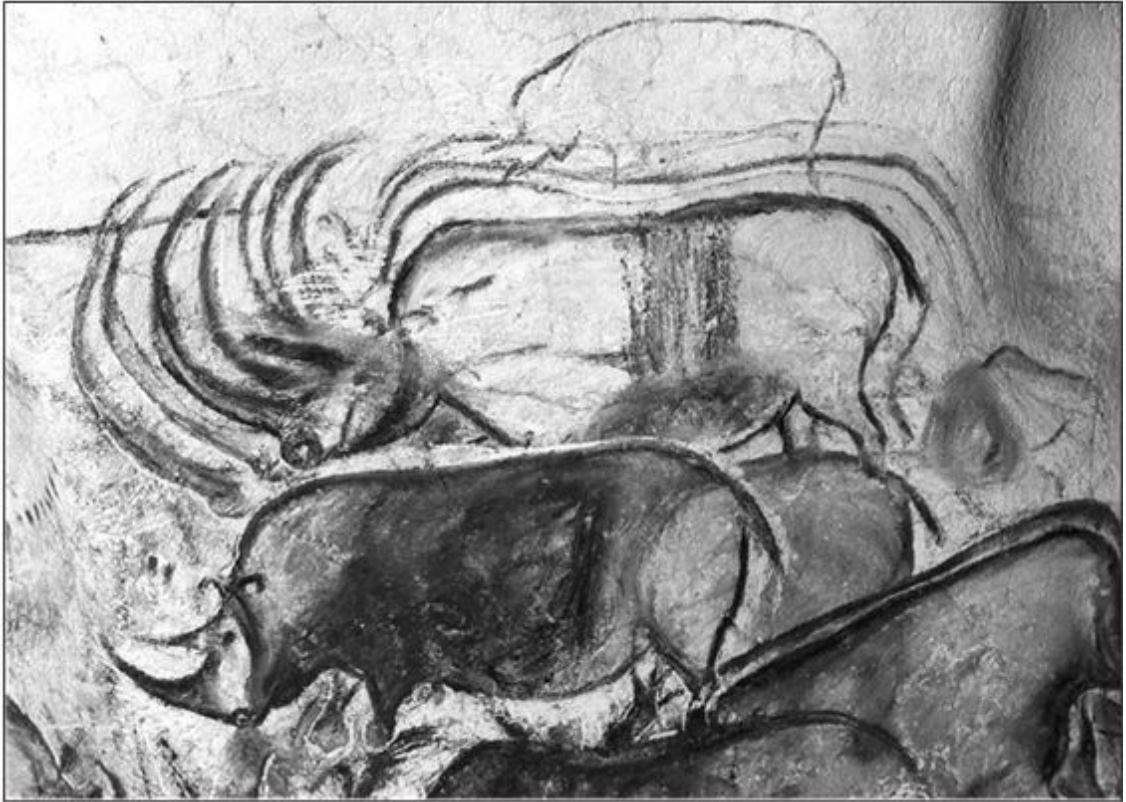
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2016.

info@sindbadbooks.ru www.sindbadbooks.ru www.facebook.com/sindbad.publishers www.instagram.com/sindbad_publishers

Хронология Истории

ЛЕТ НАЗАД	
13,8 млрд	Появление материи и энергии. Начало физики
и молекул. Начало химии	Появление атомов
4,5 млрд	Образование планеты Земля
3,8 млрд	Появление живых организмов. Начало биологии
6 млн	Последний общий предок человека и шимпанзе
2,5 млн	Эволюция рода <i>Homo</i> в Африке Первые каменные орудия
2 млн	Распространение людей из Африки в Евразию Эволюция разных
видов человека	
500 000	Появление неандертальцев в Европе и на Ближнем Востоке
300 000	Начало ежедневного использования огня
200 000	Появление в Восточной Африке <i>Homo sapiens</i>
70 000	Когнитивная революция. Появление абстрактного языка Начало
истории. Сапиенсы распространяются за пределы Африки	
45 000	Заселение сапиенсами Австралии. Исчезновение австралийской
мегафауны	
30 000	Вымирание неандертальцев
16 000	Заселение сапиенсами Америки. Исчезновение американской мегафауны
13 000	Вымирание <i>Homo floresiensis</i> . Единственным выжившим видом человека
остается <i>Homo sapiens</i>	
12 000	Сельскохозяйственная революция. Одомашнивание растений и
животных. Постоянные поселения	
5000	Первые царства, письменность и деньги. Политеистические религии
4250	Первая империя – Аккадская империя Саргона
2500	Изобретение монетной системы – универсальных денег. Персидская
империя – универсальный политический порядок «на благо всех людей». Буддизм в Индии –	
универсальная истина «избавление всех существ от страданий»	
2000	Империя Хань в Китае. Римская империя в Средиземноморье.
Христианство	
1400	Ислам
500	Научная революция. Человечество признает свое невежество и
начинает приобретать беспрецедентные возможности. Европейцы начинают покорять Америку	
и океаны. Вся планета становится единой исторической ареной. Появление капитализма	
200	Промышленная революция. На смену семье и общине приходят
государство и рынок. Массовое вымирание растений и животных	
Настоящее	Выход людей за пределы планеты Земля. Ядерное оружие угро-
жает выживанию человечества. Живые организмы все чаще появляются в результате разум-	
ного замысла, а не естественного отбора	
Будущее	Разумный замысел становится основным принципом жизни? Первые
неорганические формы жизни? Люди в результате усовершенствования превращаются в богов?	

Часть первая Когнитивная революция

Наскальным рисункам в пещере Шове-Пон-д'Арк на юге Франции – около 30 тысяч лет. Эти произведения искусства были созданы людьми, которые выглядели, думали и говорили, как мы

Глава 1

Ничем не выделяющееся животное

Примерно 14 миллиардов лет назад появились материя, энергия, время и пространство: произошел Большой взрыв. Историей этих фундаментальных явлений Вселенной занимается физика.

Через 300 тысяч лет от начала своего бытия материя и энергия начали образовывать между собой сложные комплексы – атомы, а те стали комбинироваться в молекулы. Историей атомов, молекул и их взаимодействий занимается химия.

Примерно 4 миллиарда лет назад на планете Земля некие молекулы соединились в большие и сложные структуры – организмы. Историю органической жизни изучает биология.

Примерно 70 тысяч лет назад организмы, принадлежащие к виду *Homo sapiens*, породили нечто еще более изощренное – мы это называем культурой. И дальнейшей судьбой человеческих культур интересуется собственно наука история.

Ход человеческой истории определили три крупнейшие революции. Началось с когнитивной революции, 70 тысяч лет назад. Аграрная революция, произошедшая 12 тысяч лет назад, существенно ускорила прогресс. Научная революция – ей всего-то 500 лет – вполне способна покончить с историей и положить начало чему-то иному, небывалому. В этой книге рассказывается о том, как три революции отразились на людях и на других живых существах – верных спутниках людей.

* * *

Люди существовали задолго до начала истории. Животные, весьма схожие с современными людьми, впервые появились 2,5 миллиона лет тому назад, однако на протяжении бесчисленных поколений они никак не выделялись среди миллиардов иных существ, с которыми делили места обитания.

На прогулке по Восточной Африке пару миллионов лет назад вы могли бы наткнуться на вполне привычную сценку: нежные матери прижимают к груди младенцев, беззаботные ребята играют в грязи, пылкая молодежь возмущается диктатом условностей, а усталые старики просят оставить их в покое; мачо колотят себя кулаками в грудь, стремясь произвести впечатление на местную красотку, мудрые матриархи глядят на происходящее и знают, что все это они уже видели не раз. Те древние люди умели играть и любить, между ними складывались прочные отношения, они боролись за власть и статус – но так же вели себя и шимпанзе, бабуины, слоны. Люди ничем не отличались от животных. Никто, и в первую очередь сами люди, не мог бы предугадать, что их потомки пройдутся по Луне, расщепят атом, разгадают генетический код и создадут летописи. Это нужно обязательно помнить, когда мы обсуждаем доисторического человека: он был самым обычным животным и оказывал на экологическую среду не большее влияние, чем гориллы, жуки-светляки или медузы.

Биологи распределяют организмы по родам и видам. Животные одного вида (*species*) могут совокупляться друг с другом, давая плодовитое потомство. У лошадей и ослов имеется близкий общий предок и есть немало общих черт, однако они почти не проявляют взаимного сексуального интереса. Их можно принудить к половому акту, и в результате появится потомство – мулы, но потомство бесплодное. Значит, лошади и ослы принадлежат к разным видам. И напротив, бульдог и спаниель с виду непохожи, но они охотно спариваются, а их отпрыски смогут повязаться с другими собаками и породят следующее поколение щенков. Бульдоги и спаниели, таким образом, принадлежат к одному виду – это собаки.

Виды, происходящие от общего предка, объединяются в род (*genus*). Львы, тигры, леопарды и ягуары – разные виды рода *Panthera*. Биологи дают живым организмам двойные латинские названия, первое имя обозначает род, второе – вид. Например, львы – *Panthera leo*, то есть вид *leo* рода *Panthera*. По всей вероятности, любой читатель этой книги – *Homo sapiens*, то есть принадлежит к виду *sapiens* (разумный) рода *Homo* (человек).

Роды в свою очередь объединяются в семейства – например: кошачьи (львы, гепарды, домашние кошки), собачьи (волки, лисы, шакалы) или слоновые (слоны, мамонты, мастодонты). Все члены семейства могут проследить свою родословную до некоего родоначальника. Так, все кошки, от крошечного домашнего котенка до свирепого льва, восходят к единому предку, жившему примерно 25 миллионов лет назад.

И *Homo sapiens* тоже принадлежит к особому семейству, хотя долго и упорно держал этот факт в строжайшей тайне. *Homo sapiens* предпочитал воображать себя единственным в своем роде, отделенным от прочих животных, – сиротой, без сестер и братьев, без сводных и двоюродных, главное же – без родителей. Но это заблуждение. Хотите или не хотите, мы – члены большого шумного семейства больших обезьян (высших приматов). Среди ныне живущих наши ближайшие родственники – шимпанзе, гориллы, орангутанги и гиббоны, из них ближе всего нам шимпанзе. Всего 6 миллионов лет назад у одной обезьяны родились две дочери. Одна стала предком всех ныне живущих шимпанзе, вторая доводится прапрапра- и так далее бабушкой нам.

Скелеты в шкафу

Homo sapiens скрывает секрет и помрачнее: у нас не только имеется множество диких родственников, но были некогда родные братья и сестры. Мы присвоили себе наименование «человек», но когда-то род «человек» включал в себя несколько видов. Люди – то есть животные из рода *Homo* – появились в Восточной Африке примерно 2,5 миллиона лет назад как ветвь более древнего рода обезьян *Australopithecus*, то бишь «южных обезьян». А два миллиона лет назад часть древних мужчин и женщин покинули родину и отправились блуждать по обширным пространствам Северной Африки, Европы и Азии, где и расселились. Поскольку для выживания в заснеженных лесах Северной Европы требовались иные качества, чем для существования в душных джунглях Индонезии, человеческие популяции развивались в разных направлениях, и в результате появились разные виды, каждому из которых ученые придумали пышное латинское название.

В Европе и Западной Азии закрепился *Homo neanderthalensis* (человек из долины Неандер), обычно именуемый попросту «неандертальцем». Неандертальцы, более плотного и мускулистого сложения, чем современные люди, удачно приспособились к холодному климату Европы ледникового периода. На острове Ява обитал *Homo soloensis* (человек из долины Соло), более приспособленный к жизни в тропиках. На другом индонезийском острове, маленьком острове Флорес, поселились существа, которых теперь популярная пресса склонна сравнивать с хоббитами. Эти вооруженные копьями карлики ростом не выше метра весили в среднем 25 килограммов, но в отваге им не откажешь. Они охотились даже на местных слонов – впрочем, и слоны тут были карликовые. Открытые пространства Азии осваивал *Homo erectus* (человек прямоходящий), и этот самый устойчивый вид человека продержался там более 1,5 миллиона лет.

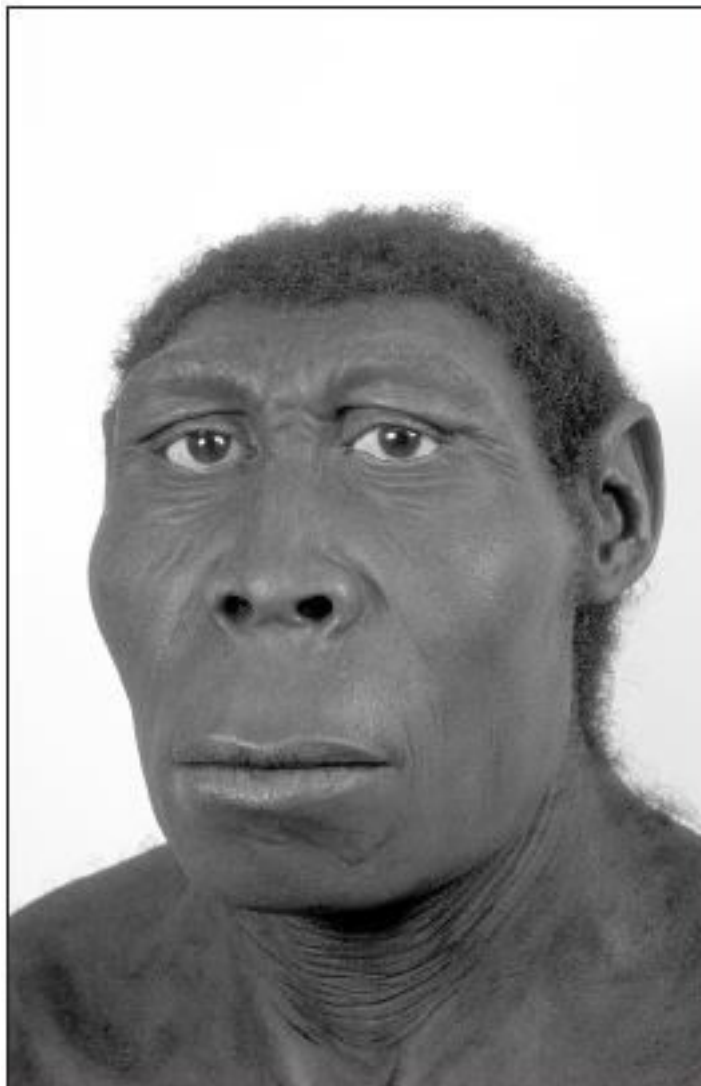
В 2010 году из пучин забвения вернулся еще один утраченный братец: при раскопках Денисовой пещеры в Сибири обнаружилась окаменевшая фаланга пальца. Генетический анализ доказал, что палец принадлежит неведомому прежде виду человека, который и называли соответственно денисовским человеком, *Homo denisova*. Кто знает, сколько еще забытых роди-

чей дожидается, пока их обнаружат – в других пещерах, на островах, в иных климатических зонах!

Пока эти виды людей развивались в Европе и Азии, в Восточной Африке тоже продолжалась эволюция. Колыбель человечества взращивала все новые виды, в том числе *Homo rudolfensis* (человек с озера Рудольф), *Homo ergaster* (человек работающий) и в итоге наш собственный вид, который мы без ложной скромности окрестили *Homo sapiens* (человек разумный).

Некоторые виды людей удались крупными, другие были карлики. Имелись среди них бесстрашные охотники и робкие собиратели растительной пищи. Кто-то обитал исключительно в пределах одного острова, а кто-то осваивал целые континенты. Но все это были представители рода *Homo*, иными словами – человечества.

Популярно заблуждение, будто все эти виды сменяли друг друга как преемники: эргастер порождает эректуса, эректус – неандертальца, а от неандертальца ведем род мы с вами. Линейная модель создает ложное ощущение, будто в каждый момент времени на Земле обитал лишь один человеческий вид и все древние виды представляют собой устаревшие модели современного человека. На самом деле почти два миллиона лет – примерно до VIII тысячелетия до н. э. – несколько человеческих видов существовало одновременно. Собственно, почему нет? Живут же сейчас многие виды медведей: бурые медведи, барибалы, гризли, полярные медведи. Когда-то по Земле разгуливало по меньшей мере шесть видов человека. Исключением из правил (исключением, которое бросает на нас зловещую тень подозрения) является как раз нынешняя эксклюзивность, а не разнообразное прошлое. Скоро мы убедимся в том, что у *Homo sapiens* есть причины подавлять любое воспоминание о вымерших собратьях.

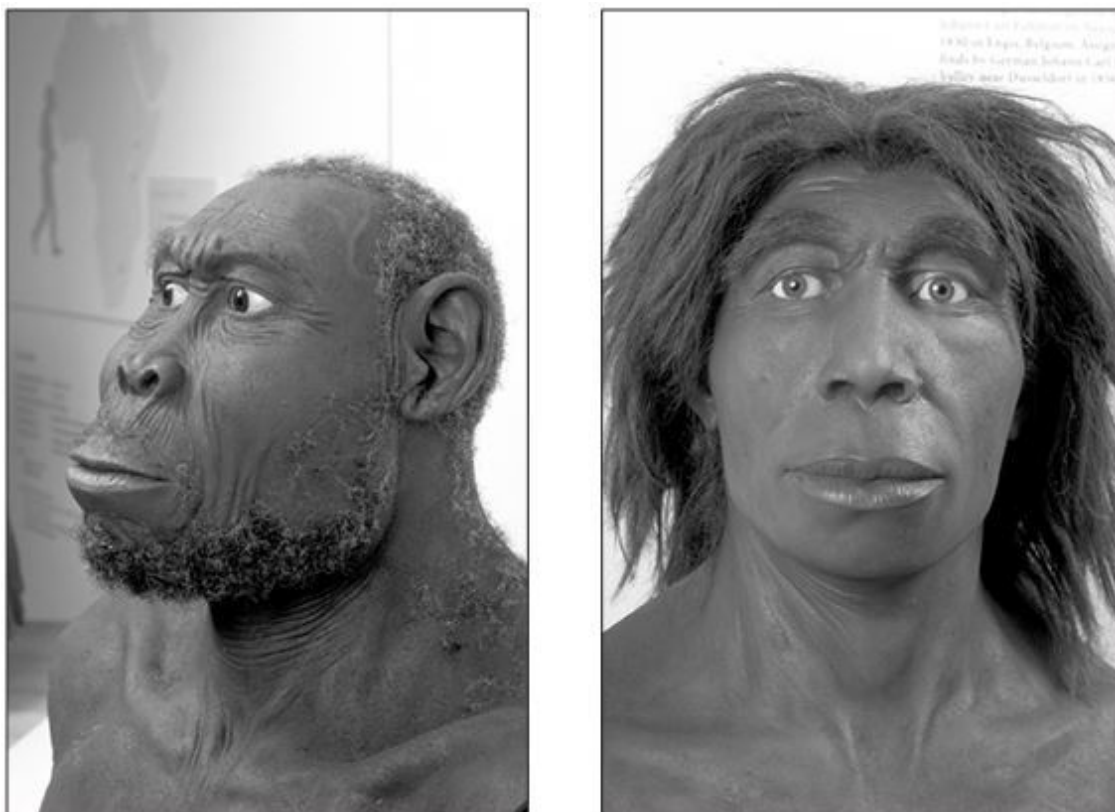

Наши ближайшие родственники (современная предположительная реконструкция, слева направо): Homo rudolfensis (Восточная Африка, 2 миллиона лет назад); Homo erectus (Азия, 2 миллиона – 50 тысяч лет назад) и Homo neanderthalensis (Европа и Западная Азия, 400 – 30 тысяч лет назад). Всё это человеческие существа

© Visual/Corbis

Цена разума

При всех различиях у разновидностей человечества имеются ярко выраженные общие черты. Прежде всего люди по сравнению с другими животными имеют непропорционально большой мозг. У млекопитающих весом в 60 килограммов средний объем мозга – 200 кубических сантиметров, но шестидесятикилограммовый *Homo sapiens* «вырастил» себе мозг объемом 1200–1400 кубических сантиметров. 2,5 миллиона лет назад у первых мужчин и женщин мозг был поменьше, но все равно значительно больше, чем, скажем, у леопарда того же веса. И по мере развития человечества диспропорция нарастала.

Нам-то кажется, что едва ли стоит ломать голову над вопросом, почему эволюция поощряла этот самый мозг. Мы в восторге от своего интеллекта и убеждены, что чем голова больше и умнее, тем лучше. Но будь это безусловной истиной, кошачьи тоже произвели бы потомство, способное заниматься матанализом. Почему из всего животного царства один лишь род *Homo* обзавелся столь массивным и сложным мыслительным аппаратом?

На самом деле чем больше мозг, тем больше затраты для всего тела. Таскать его повсюду за собой нелегко, особенно вместе с массивным черепом. Еще труднее этот мозг прокормить. У *Homo sapiens* 2–3 % общего веса приходится на мозг, но в состоянии покоя мозг потребляет до 25 % всей расходуемой телом энергии. Для сравнения: у других приматов мозг в состоянии покоя довольствуется всего лишь 8 % общих резервов. Древние люди дорого платили за увеличенный мозг: во-первых, они тратили больше времени на поиски пищи, а во-вторых, у них слабели мышцы. Словно правительство, направляющее деньги на развитие образования, а не армии, люди отнимали энергию у бицепсов и отдавали ее нейронам, а это не лучшая стратегия для выживания в саванне. Ученый спор с человеком шимпанзе не выиграет, а вот раздрать его на части может запросто.

Но все же чем-то это было выгодно, иначе мозговитые не дали бы еще более мозговитое потомство. Каким же образом мозг компенсировал уменьшение физической мощи? В век Альберта Эйнштейна такой вопрос может показаться наивным, но ведь Эйнштейн – явление современной эпохи, а на протяжении двух миллионов лет, пока нейронные сети в голове человека росли и усложнялись, похвастаться люди могли разве что кремневыми ножами и заостренными палками. Эволюция человеческого мозга – загадка еще более удивительная, чем появление бесполезного павлиньего хвоста или рогов, обременяющих голову оленя. Ради чего все это? По правде говоря, нам неизвестно.

Другая уникальная человеческая черта – прямохождение. Поднявшись с четверенек, удобнее обозревать саванну, высматривая добычу или врага. Руками, не участвующими в передвижении, можно делать разные вещи, например бросать камни или подавать сигналы сороди-

чам. Чем больше функций привыкли выполнять руки, тем благоприятнее складывалась жизнь обладателя этих рук, а потому эволюция поощряла появление все большего количества нервов и чутких мышц в ладонях и пальцах. В результате человек научился делать руками сложнейшие вещи, а главное – создавать изощренные инструменты и пользоваться ими. Первые свидетельства использования орудий появляются 2,5 миллиона лет назад. Именно производство и применение орудий считаются определяющим признаком, по которому археологи опознают древних людей.

Прямохождение, кроме плюсов, имеет и минусы. Скелет наших предков-приматов развивался на протяжении миллионов лет с учетом потребностей существа, которое бегаёт на четвереньках и имеет сравнительно небольшую голову. Приспособиться к прямохождению оказалось не так-то просто, да еще на вершине всей этой конструкции приходилось удерживать непропорционально большой череп. За способность видеть вдаль и за умелые руки человечество по сей день расплачивается болями в шее и мигренями.

Женщины заплатили вдвойне. Прямохождение сузило бедра, а значит, и родовые пути, в то время как головы младенцев увеличились. Смерть в родах сделалась основной опасностью для самок нашего вида. Женщины, рожавшие младенцев недоношенными, пока череп еще сравнительно невелик и мягок, имели больше шансов на выживание и производили на свет больше детей. Таким образом, естественный отбор начал поощрять преждевременные роды. На фоне других животных человеческие младенцы рождаются «недопеченными»: многие жизненно важные системы у них еще не развиты. Жеребенок вскоре после рождения готов бежать рысью, месячный котенок может расстаться с матерью и сам добывать себе пищу, а дитя человеческое еще много лет остается беспомощным, зависимым от старших, которые его кормят, защищают и обучают.

Это обстоятельство привело к развитию у человека необычайных социальных свойств – и к появлению столь же уникальных социальных проблем. Одинокая мать не в состоянии прокормить себя и потомство, если ей приходится еще и нянчиться с беспомощными малышами. В деле воспитания детей требовалась существенная помощь родичей и соседей. Вырастить человека способно только племя или община. Эволюция благоприятствовала тем, кто научился формировать прочные социальные связи. Кроме того, поскольку человеческие детеныши появляются на свет недоразвитыми, они в гораздо большей степени поддаются воспитанию и социализации, чем другие животные. Млекопитающие по большей части появляются из утробы уже готовыми, как кувшин из печи для обжига: попытайся заново сформовать такой сосуд, и ты его сломаешь или поцарапаешь. Дети же выходят из материнского лона подобные расплавленному стеклу – крути их, вытягивай, придавай форму, делай все, что захочешь. Мы можем вырастить ребенка христианином или буддистом, приверженцем капитализма или социализма, войны или мира.

* * *

Большой мозг, умение пользоваться орудиями, высокую способность к обучению и сложные социальные структуры мы считаем безусловными преимуществами. Кажется несомненным, что именно они превратили человека в царя природы. Однако человек пользовался этими преимуществами на протяжении 2 миллионов лет, оставаясь при этом довольно слабым, чуть ли не маргинальным существом. Все виды людей, расселившихся от Индонезии до Иберийского полуострова, не насчитывали и миллиона особей, и жизнь их точнее было бы назвать прозябанием. Они пребывали в постоянном страхе перед хищниками, им редко удавалось убить крупную дичь, существовали они главным образом за счет растительной пищи, а также ловили насекомых и мелких животных и обгладывали падаль, оставленную более сильными и проворными.

Древние каменные орудия использовались главным образом для того, чтобы разбивать кости и добираться до мозга. Некоторые ученые считают, что такова и была экологическая ниша человека. Подобно тому как дятел специализируется на извлечении насекомых из древесных стволов, так и древние люди специализировались на извлечении костного мозга. Почему именно на этом? Что ж, представьте себе: на ваших глазах стая львов затравила и сожрала жирафа. Вы терпеливо ждете в сторонке. После львов настает черед гиен и шакалов – вам и с ними драться не по силам. Они обглаживают кости, и только тогда человеческое племя решается подойти к скелету. Люди настороженно оглядываются по сторонам и принимаются за то, что им осталось.

Это ключ к пониманию истории и психологии человека. До недавних пор род *Homo* занимал не верхнее, а скорее среднее положение в пищевой пирамиде. На протяжении миллионов лет люди охотились на мелких животных и собирали что под руку попадет, стараясь избегать встреч с крупными хищниками. Лишь 400 тысяч лет назад люди начали регулярно охотиться на крупных зверей, и только в последние 100 тысяч лет, с появлением *Homo sapiens*, мы стали верхним звеном этой пирамиды.

Последствия столь стремительного прыжка из промежуточного и зависимого положения на вершину оказались колоссальными. Человек не привык находиться на командной высоте, он к ней не приспособлен. Другие животные, оказавшиеся в итоге на вершине пирамиды – львы, акулы, – шли к этому миллионы лет, а человек попал наверх почти мгновенно. Многие исторические катастрофы, в том числе разрушительные войны и насилие над экосистемой, происходят из нашего слишком поспешного прорыва во власть. Человечество – не стая волков, завладевшая вдруг танками и атомными бомбами, скорее мы – стадо овец, которое в силу непонятной прихоти эволюции научилось делать и пускать в ход танки и ракеты. А вооруженные овцы гораздо опаснее вооруженных волков.

Прирожденные повара

Важным шагом на пути к вершине стало приручение огня. Мы не знаем в точности, где, когда и как это произошло. Но примерно за 300 тысяч лет до настоящего времени некоторые люди уже пользовались огнем регулярно. Он служил им надежным источником тепла и света и защитой от рыскавших вокруг львов. Прошло еще немного времени, и люди от обороны перешли к нападению, появилось первое массовое производство – умышленное выжигание лесов. Дождавшись, когда огонь отбушует, предприниматели каменного века проходили по дымящемуся пожарищу, собирая обугленные тушки животных, орехи, клубни. Так человек научился осваивать территорию: удачно направленное пламя превращало непроходимые и скудные пищей леса в луга, полные заманчивой добычи. Но главное, что делал огонь, – готовил пищу.

Освоив искусство готовить, человек распахнул двери в еще не освоенные отделы супермаркета, предоставляемого нам природой. Многие виды пищи, которые мы не могли бы усвоить в сыром виде – пшеница, рис, картофель, – в готовом превратились в основу нашего существования. Огонь изменил не только химический состав нашей еды, но и биологический. Жар убивает микробов и паразитов, которыми кишит мясо; людям стало легче разжевывать и переваривать свои традиционные лакомства, такие как фрукты, орехи, насекомые и падаль. Шимпанзе тратят на еду по пять часов в день, питаюсь всухомятку, а человек съедает гору термически обработанной пищи меньше чем за час.

Научившись готовить, человек смог использовать новые виды продуктов, он стал тратить меньше времени на еду, ему уже не нужны стали мощные коренные зубы и длинный кишечник. Некоторые ученые видят прямую связь между освоением огня, сокращением длины кишечника и увеличением размера мозга: и длинный кишечник, и большой мозг требуют много энер-

гии, а потому организму затруднительно содержать их обоих. Сократив длину кишечника и снизив потребление энергии, человек получил возможность «отрастить» те огромные мозги, которыми славятся неандерталец и *Homo sapiens*¹.

Освоение огня создало первую пропасть между человеком и прочими животными. Все животные зависят только от своего тела – от крепости мускулов, размера зубов, размаха крыльев. Они умело используют воздушные и морские течения, однако не умеют управлять силами природы и изначально ограничены особенностями своего физического строения. Так, орлы ловят поднимающиеся от земли теплые воздушные потоки, раскрывают огромные крылья и позволяют течению поднять себя ввысь, но орел не распределяет воздушные потоки так, как ему удобнее, и максимальная подъемная сила всегда точно пропорциональна размерам его крыла.

Когда люди овладели огнем, они получили в свое распоряжение управляемый и практически неограниченный ресурс. В отличие от орла человек сам решает, где и когда зажечь огонь, и он научился использовать его в самых разных целях. Самое главное: сила огня отнюдь не определяется формой, устройством или мощностью человеческого тела. Слабая женщина, имея кремь и кресало или горящую палку, способна за несколько часов сжечь лес. Освоение огня стало предвестием будущего: это был первый шаг к созданию атомной бомбы, и не такой уж маленький шаг.

Сторож брату своему

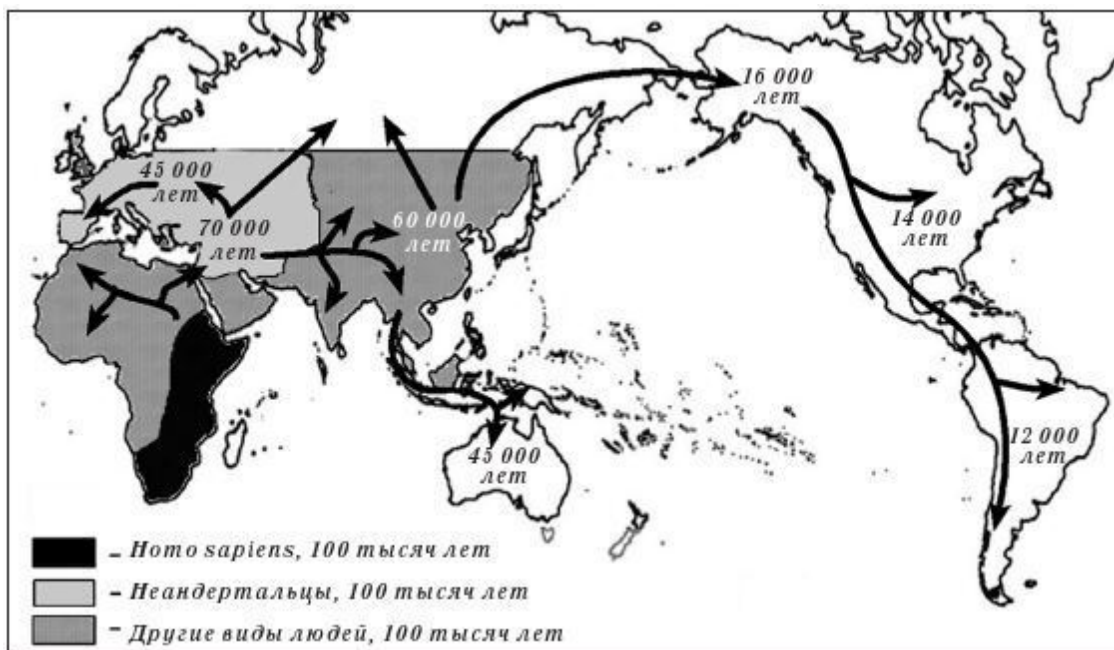
Когда появились первые *Homo sapiens* и где они жили? Вместо однозначного ответа мы располагаем множеством противоречивых теорий. Однако большинство исследователей сходится в том, что 150 тысяч лет назад в Восточной Африке уже обитали, как они выражаются, «современные с анатомической точки зрения люди». Если бы один из этих людей попал на стол современного морга, патологоанатом не заподозрил бы никакой странности. Ученые также вычислили, что примерно 70 тысяч лет назад *Homo sapiens* перебрался из Восточной Африки в Аравию, откуда человеческая популяция быстро распространилась по основной части Евразийского континента.

Когда *Homo sapiens* добрался до Аравии, большая часть Евразии уже была населена другими видами людей. Что произошло с ними?

Существуют две взаимоисключающие теории. Теория межвидового скрещивания повествует о сексуальном притяжении, общении и смешивании. Мол, пришельцы из Африки, разбредаясь по всему миру, брали себе в подруги всех красоток, каких видели по пути. В итоге различные популяции *Homo sapiens* унаследовали кое-что от местных генов, и этим объясняются различия в наших физических и умственных характеристиках.

---

¹ Ann Gibbons, 'Food for Thought: Did the First Cooked Meals Help Fuel the Dramatic Evolutionary Expansion of the Human Brain?', *Science* 316:5831 (2007), 1558–1560.

История покорения планеты (числа – время появления *Homo sapiens*, до наших дней)

Противоположная теория – теория вытеснения – рассказывает совсем иную историю: несовместимости, отвращения, а то и геноцида. Новенькие из Африки отнюдь не сочли туземцев привлекательными. Или же, если совокупление и происходило, оно не давало потомства, способного продолжить род, потому что накопились уже непреодолимые генетические отличия. А может быть, пришельцы попросту убивали неприятных, на их взгляд, конкурентов всюду, где наткнулись на них. В таком случае древние популяции исчезли, не оставив генетического следа в клетках современного человека, и тогда родословную любого ныне живущего человека можно проследить до той замкнутой группы предков, которая 70 тысяч лет назад вышла из Восточной Африки.

От исхода этого спора зависит многое. С эволюционной точки зрения 70 тысяч лет – очень короткий срок. Если верна теория вытеснения, то у всех людей на Земле должна быть одна и та же генетическая наследственность, а расовые отличия ничтожны. Если же верна теория скрещивания, то генетические отличия между африканцами, европейцами и азиатами могут оказаться гораздо более древними, им многие сотни тысяч лет. Расисты порадовались бы, доказав, что современные индонезийцы обладают уникальными генами *floresiensis*, а у китайцев выделен набор генов вида *erectus*.

Научные данные пока не позволяют сделать однозначный вывод: все время появляются новые находки и проводятся новые эксперименты, так что мнение экспертов колеблется то в одну, то в другую сторону. Яблоко раздора – неандертальцы. Они были физически сильнее наших предков, лучше приспособлены к холодному климату, а по размерам мозга ничуть нам не уступали. Они пользовались орудиями труда и огнем, были умелыми охотниками и, по-видимому, хоронили умерших и заботились о слабых и больных сородичах. Археологи обнаружили скелеты неандертальцев, сумевших достичь солидного возраста, несмотря на тяжелую инвалидность, то есть им кто-то помогал. Но когда в область проживания неандертальцев вторгся *Homo sapiens*, туземная популяция отступила, а со временем исчезла. Последние известные нам неандертальцы (те, чьи кости удалось найти) жили на юге Испании примерно 30 тысяч лет назад. В рамках эволюции это, можно сказать, вчера.

Согласно теории межвидового скрещивания, когда *Homo sapiens* проник в земли неандертальцев, у сапиенсов² и неандертальцев начало появляться потомство, в котором и слились оба вида. Если дело обстоит так, то неандертальцы не исчезли: нынешние евразийцы – отчасти неандертальцы. Сторонники теории замещения отвергают такую гипотезу: по их мнению, анатомия сапиенсов и неандертальцев не так уж близка, у них, вероятно, были разные брачные игры и даже запахи не совпадали. Сомнительно, что они проявляли такого рода интерес друг к другу. И если бы даже Ромео-неандерталец полюбил Джульетту из семьи сапиенсов или сапиенс Соломон обзавелся неандертальским гаремом, их дети вряд ли могли бы иметь детей. Две популяции все равно не слились бы воедино, а когда неандертальцы вымерли, с ними погибло и их генетическое наследие.

В последние десятилетия господствовала теория вытеснения. В ее пользу говорила большая часть археологических находок, и она соответствовала требованиям политкорректности (никому не хотелось открывать ящик Пандоры, давая расистам аргумент в пользу принципиального отличия между современными расами человечества). Но в 2010 году эта теория потерпела сокрушительное поражение: были опубликованы результаты четырехлетнего исследования генома неандертальца. Генетики собрали с ископаемых костей достаточно материала, чтобы сопоставить современного человека и его увальня-предшественника. Результаты ошеломили научное сообщество. Оказалось, что 4 % генов современного населения Ближнего Востока и Европы принадлежит неандертальцам. Не так уж много, но и не пренебрежимо мало. Второе потрясающее открытие было сделано несколько месяцев спустя, при анализе пальца из Денисовой пещеры: до 6 % уникальных человеческих генов, содержащихся в этой окаменелости, присущи также современным меланезийцам и аборигенам Австралии!

Если эти результаты надежны (следует помнить, что исследования продолжаются и предварительные выводы еще предстоит подтвердить или скорректировать), то теория скрещивания хотя бы отчасти верна. Однако при этом вовсе не исключается и теория вытеснения. Поскольку неандертальцы и обитатели Денисовой пещеры поделились с современным человеком лишь небольшой частью своих генов, полного «слияния» сапиенсов с другими видами людей все же не произошло. И хотя отличия между ними оказались не настолько велики, чтобы препятствовать появлению жизнеспособного потомства, все же совокупления представителей разных видов происходили редко (вполне вероятно, это были акты насилия). Происходило скрещивание и смешение, но отнюдь не слияние.

---

² Далее я буду называть представителей вида *Homo sapiens* просто сапиенсами. – Прим. авт.

Замечательная реконструкция облика ребенка-неандертальца. Генетические данные указывают на то, что, возможно, неандертальцы (по крайней мере, некоторые) были светлокожими блондинами

© Anthropologisches Institut und Museum, Universität Zürich

Однако если неандертальцы не были ассимилированы сапиенсами, то куда же они делись? Возможный ответ: они исчезли, не выдержав конкуренции с *Homo sapiens*. Представим себе: сапиенсы являются в балканскую долину, где сотни тысяч лет жили неандертальцы. Пришельцы начинают охотиться на оленей, собирать орехи и ягоды, которыми всегда питались местные жители. И охотники, и собиратели они более ловкие, чем неандертальцы, располагают продвинутыми технологиями и лучше организованны, а потому быстро размножаются и захватывают новые территории. Не столь изобретательные неандертальцы уже не могут толком прокормиться. Популяция сокращается и постепенно вымирает.

Существует и другая гипотеза: конкуренция из-за ресурсов привела к насилию и геноциду. Терпимостью сапиенсы никогда не отличались. В современной истории достаточно было ничтожного отличия в цвете кожи, диалекте или религии, чтобы одна группа сапиенсов начала истреблять другую. Проявили бы древние сапиенсы большую терпимость к совершенно чуждому виду людей? Представляется вполне вероятным, что, наткнувшись на неандертальцев, сапиенсы провели первую и самую радикальную этническую чистку в своей мрачной истории.

Так или иначе, неандертальцы оставили нам первое историческое «если бы». Попробуйте вообразить, как бы изменилась история, если бы неандертальцы продолжали жить бок о бок с *Homo sapiens*. Какие культуры, какие общества, какие политические структуры сложились бы в мире, где сосуществовали бы разные человеческие виды? Как бы, к примеру, развивались

религии? Провозгласила бы Книга Бытия неандертальцев потомками Адама и Евы, умер бы Христос во искупление неандертальских грехов, предусмотрел бы Коран места на небе для всех праведных независимо от вида? Смогли бы неандертальцы служить в римских легионах, в разветвленной бюрократии Китая? Провозгласила бы американская Декларация независимости как самоочевидную истину: «все члены рода *Homo* сотворены равными»? Призвал бы Карл Маркс объединяться пролетариев всех человеческих видов?

За последние 30 тысяч лет мы так привыкли к статусу единственного человеческого вида на Земле, что с трудом представляем себе иные возможности. В отсутствие братьев и сестер легче вообразить себя венцом творения, подчеркивая огромную дистанцию между нами и животным царством. Когда Чарлз Дарвин намекнул, что человек принадлежит к животным, его современники пришли в ярость, да и поныне многие отказываются в это верить. А если бы неандертальцы выжили, мы бы все равно воображали себя особыми созданиями? А может быть, потому-то наши предки и стерли родичей с лица земли: слишком похожих, чтобы их игнорировать, слишком иных, чтобы их терпеть?

* * *

Так или иначе, по вине ли сапиенсов или это случилось само собой, но вскоре после их появления в новых местах прежние тамошние обитатели вымерли. Самые поздние из обнаруженных *Homo soloensis* жили 50 тысяч лет тому назад. Вскоре, примерно через 10 тысяч лет, исчез и *Homo denisova*. Неандертальцы сошли со сцены около 30 тысяч лет назад. Последние «хоббиты» бродили по острову Флорес 12 тысяч лет назад. От них остались кости, каменные инструменты, несколько генов в нашей ДНК и множество вопросов без ответов. Некоторые ученые питают надежду когда-нибудь в чаще непроходимых индонезийских джунглей повстречать живое и действующее сообщество этих карликов, но скорее всего мы опоздали тысячекратно на десять.

В чем причина победоносных успехов сапиенса? Как мы ухитрились столь стремительно обустроиться в отдаленных друг от друга и экологически несхожих регионах? Как сумели вытеснить во тьму забвения все остальные виды людей? Почему не устоял перед нашим натиском даже крепкий, мозговитый, не боявшийся холода неандерталец? Споры не затихают. И в качестве самого вероятного ответа называют то, что делает возможным саму эту дискуссию. *Homo sapiens* покорила мир, потому что обладал таким уникальным инструментом, как язык.

Глава 2

Древо познания

Сапиенсы, жившие сто тысяч лет назад в Восточной Африке, не отличались от нас анатомическим строением, и мозг их был таким же, как наш, и по размеру, и по форме. Но можно ли предположить, что они думали и говорили как мы? Косвенные доказательства свидетельствуют: еще нет. Эти сапиенсы не создавали сложных орудий, не произвели ничего выдающегося и в целом не могли похвастаться какими-либо заметными преимуществами перед другими видами людей. Когда некоторые из них около ста тысяч лет назад перебрались в Левант, на территорию, освоенную неандертальцами, закрепиться там они не смогли. То ли местные жители оказали сопротивление, то ли климат не подошел, то ли организм не адаптировался к местным паразитам – так или иначе, сапиенсы отступили, позволив неандертальцам безраздельно господствовать на Ближнем Востоке.

Эта неудача позволяет предположить, что в ту пору внутреннее устройство мозга сапиенса отличалось от нынешнего. Выглядели эти люди уже как мы, но их когнитивные способности – умение узнавать новое, запоминать, общаться – были намного меньше. Попытка научить древних сапиенсов английскому языку, внушить им христианские истины или объяснить теорию эволюции оказалась бы делом безнадежным. Но и нам непросто было бы понять их систему коммуникации и образ мыслей.

Но где-то между 70 и 30 тысячами лет назад *Homo sapiens* стал совершать довольно неожиданные поступки. Примерно 70 тысяч лет назад большие отряды сапиенсов вторично вышли из Африки. На этот раз они не только вытеснили неандертальцев и прочих родственников с Ближнего Востока, но вскоре вовсе смели их с лица земли. За поразительно короткий период сапиенсы добрались до Европы и Восточной Азии. 45 тысяч лет тому назад они преодолели океан и высадились в Австралии, на берегу, где прежде не ступала нога человека. Люди изобрели лодки, масляные лампы, лук со стрелами и иголку (то есть научились шить теплую одежду). Первые предметы, которые мы с уверенностью можем идентифицировать как ювелирные изделия и произведения искусства, датируются этим же периодом, и тогда же появляются неопровержимые свидетельства существования религии, торговли и социального расчленения.

Статуэтка «человека-льва» (или «женщины-львицы») из пещеры Штадель в Германии (30 тысяч лет тому назад). Человеческое туловище увенчано головой льва. Первое неоспоримое произведение искусства и доказательство способности человеческого разума вообразать вещи, которых в реальности не существует

Photo Thomas Stephan, © Ulmer Museum

Большинство исследователей считает, что эти небывалые достижения стали плодом когнитивной революции: люди, составившие успешную конкуренцию неандертальцам, заселившие Австралию, вырезавшие из слоновой кости штадельского человекольва, уже думали и говорили как мы. Познакомившись с художниками из пещеры Штадель, мы смогли бы изучить их язык, а они – наш. Мы бы сумели объяснить им все, что мы знаем, – от приключений

Алисы в Стране чудес до парадоксов квантовой физики, а они бы рассказали нам, каким мир представляется им.

Когнитивной революцией называется появление в период между 70 и 30 тысячами лет назад новых способов думать и общаться. Что спровоцировало такую революцию? Этого мы в точности не знаем. Наиболее распространенная теория утверждает, что случайные генетические мутации изменили внутреннюю «настройку» человеческого мозга и сапиенсы обрели умение думать и общаться, используя словесный язык. Можно именовать это мутацией Древа познания. Почему мутация произошла в генах сапиенса, а не в генах неандертальца? Чистой воды случайность, насколько мы можем судить. Но важнее осмыслить не причины мутации Древа познания, а последствия. В чем особенность новообретенного языка сапиенса, почему с ним мы завоевали мир?

Это была не первая система коммуникации на Земле. Каждый вид животных имеет свою систему коммуникации. Даже насекомые, пчелы, муравьи умеют сообщать друг другу об источниках пищи. Не был язык человека и первой звуковой системой коммуникации. Многие животные, в том числе все большие и малые обезьяны, используют голосовые сигналы. Например, зеленые мартышки разными возгласами предупреждают друг друга об опасности. Зоологи сумели расшифровать некоторые из них: «Осторожно: орел!» (и другой, похожий: «Осторожно: лев!»). Когда исследователи проигрывали мартышкам запись первого крика, обезьяны прекращали свои занятия и с тревогой смотрели в небо, когда же они слышали второй клич, то поспешно карабкались на деревья. Сапиенсы умели издавать более отчетливые звуки, чем зеленые мартышки, но подобными способностями отличаются и слоны, и киты. Попугаи могут передразнивать все производимые человеком звуки, а также и многие другие: звонок телефона, стук двери, завывание сирен. Так чем же так необычен наш язык?

Чаще всего в качестве основного преимущества человеческого языка упоминается его гибкость. Соединяя в различные комбинации небольшое количество звуков и жестов, мы можем сочинить неисчерпаемое количество предложений с самыми разными смыслами. Это значит, что мы можем воспринимать, хранить и передавать невероятное количество информации об окружающем мире. Зеленая мартышка способна предупредить товарок: «Осторожно: лев!» – но человек может рассказать друзьям, что он видел льва нынче утром возле излучины, лев гнался за бизонами. Человек может уточнить все подробности: где он видел льва, какими путями можно подойти к тому месту. Получив эту информацию, люди могут еще и посоветоваться, не прогнать ли им льва подальше от реки и не продолжить ли охоту на бизонов самим.

Вторая теория соглашается с первой в том, что уникальный язык человека развился как средство передавать информацию об окружающем мире, однако настаивает на том, что важнейшая информация касалась не львов и бизонов, а самих людей. Язык, гласит эта теория, родился из любви сплетничать. *Homo sapiens* – животное общественное. Мы выживаем и размножаемся благодаря постоянному взаимодействию. Людям недостаточно знать, где бегают львы и бизоны, им гораздо важнее выяснить, кто в племени кого ненавидит, кто с кем спит, кто надежен, а на кого положиться нельзя.

Количество информации, которую нужно приобрести и хранить, чтобы разбираться в постоянно меняющихся отношениях нескольких десятков человек, растет по экспоненте. (Уже в компании из 50 человек насчитывается 1225 индивидуальных взаимоотношений и огромное количество более сложных комбинаций.) Все обезьяны живо интересуются социальной информацией, но сплетничать им затруднительно. Вероятно, неандертальцам и древним сапиенсам тоже было непросто судачить у кого-нибудь за спиной. Хотя эта склонность человека обычно подвергается осуждению, она чрезвычайно важна для налаживания сотрудничества в больших коллективах. Новые лингвистические навыки, приобретенные сапиенсами 70 тысяч лет тому назад, позволили им сплетничать часами. Надежная информация насчет того, кто заслуживает

доверия, а кто нет, помогала маленьким группам объединяться в большие, и у сапиенсов развивались все более сложные и тесные формы сотрудничества³.

Теория сплетен может показаться шуткой, однако многочисленные исследования ее поддерживают. Даже сегодня основную часть нашего общения – переписки по электронной почте, звонков, газетных колонок – составляют сплетни. Сплетни для нас столь естественны, что может показаться, будто наш язык и был предназначен для этого. Или вы думаете, что во время обеда преподаватели истории обсуждают причины Первой мировой войны, а физики-ядерщики в перерыве научной конференции спорят о кварках? Да, порой случается. Но чаще они сплетничают о профессорше, которая уличила мужа в измене, о ссоре между главой кафедры и деканом и о том, что коллега истратил научный грант на покупку «лексуса». Обычно сплетня сосредотачивается на недостатках и дурных поступках. Сплетники являются предками четвертой власти – журналистов, которые предостерегают общество и тем самым уберегают его от мошенников и паразитов.

* * *

Скорее всего, верны обе теории, и «там-лев-у-реки», и теория сплетен. Но уникальность нашего языка заключается не в способности передавать информацию о людях и львах, а в способности сообщать о таких вещах, которых мы никогда не видели, не слышали и не нюхали. Насколько нам известно, только сапиенсы умеют обсуждать вещи гипотетические и даже противоречащие фактам.

Легенды, мифы, боги, религии появились в результате когнитивной революции. Многие животные, в том числе различные виды людей, и раньше умели предупреждать: «Осторожно: лев!» Благодаря когнитивной революции *Homo sapiens* научился говорить что-то вроде: «Лев – дух-хранитель нашего племени». Способность обсуждать вымысел – наиболее удивительное свойство языка сапиенсов. Этот язык можно поэтому назвать языком вымысла.

Сам факт, что только *Homo sapiens* умеет говорить о несуществующем в реальности и готов поверить в шесть невероятных вещей перед завтраком, бесспорен. Вы не уговорите мартышку поделиться с вами бананом, посулив ей сколько угодно бананов после смерти, в раю для мартышек. Но почему так важен вымысел? Ведь он вводит в заблуждение, отвлекает от реальности. Слушать сказки о героях древности, грезить об эльфах и единорогах, молиться несуществующим духам-хранителям – не напрасная ли потеря времени, не лучше ли потратить драгоценные часы на добывание пищи, борьбу с врагами или совокупление? Разве, забывая себе голову фантазиями, человек не становится менее пригоден для жизни в реальном мире? Но язык вымысла позволил человеку не просто отдаться игре воображения, а делать это всем коллективом. Мы научились сплетать общую для всех мифологию: библейскую историю творения, сказания австралийских аборигенов о предначальных временах, националистические мифы современных государств. Общая мифология наделила сапиенсов небывалой способностью к гибкому сотрудничеству в больших коллективах. Муравьи и пчелы тоже сотрудничают огромными коллективами, но они это делают по жестким, раз и навсегда заданным правилам, притом лишь внутри своей «семьи». У волков и шимпанзе сотрудничество строится на гораздо более гибких принципах, однако лишь с небольшим числом близко знакомых сородичей. Сапиенсы же способны легко кооперироваться с любым числом незнакомцев. Вот почему миром управляют сапиенсы, муравьи подбирают наши объедки, а шимпанзе сидят в клетках зоопарков и научных лабораторий.

³ Robin Dunbar, *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998).

Легенда *Peugeot SA*

Наши родичи – шимпанзе – обычно живут небольшими стаями из нескольких десятков особей. У них формируются прочные привязанности, друзья охотятся вместе, сражаются плечом к плечу против бабуинов, гепардов и шимпанзе-чужаков. В стае существует сложная иерархия. Главу – как правило это самец – мы называем альфа-самцом. Остальные выражают ему почтение, кланяясь и бормоча, точь-в-точь как подданные перед монархом. Альфа-самец поддерживает в своем царстве социальную гармонию: если двое его подданных подерутся, он вмешается и прекратит безобразие. За эту свою общественно полезную деятельность альфа щедро вознаграждает себя лучшими кусками пищи и не подпускает к своим самкам конкурентов.

Когда два самца вступают в спор за доминирование, каждый формирует в стае коалицию приспешников – и мужского, и женского пола. Узы между членами коалиции скрепляются ежедневным интимным общением: объятиями, поглаживаниями, поцелуями, выкусыванием блох и взаимными услугами. Члены коалиции помогают друг другу в беде. Альфа-самец обычно добивается верховенства не благодаря физическому превосходству, но благодаря своей более крупной и устойчивой коалиции.

Размеры группы, которая может быть сформирована и управляема одним самцом, строго ограничены: группа функциональна лишь до тех пор, пока все ее члены хорошо знают друг друга. Два шимпанзе, впервые увидевшие друг друга, никогда не ухаживавшие друг за другом и не боровшиеся друг с другом, не знают, можно ли доверять этому незнакомцу, стоит ли ему помогать и кто из них рангом выше. По мере того как число особей в группе приближается к критической величине, порядок нарушается, и в конце концов стая распадается, а часть ее членов формирует новую.

В естественных условиях группа шимпанзе насчитывает от 20 до 50 особей. Если группа чересчур разрастается, то возникает нестабильность; лишь крайне редко биологам удавалось наблюдать группы свыше 100 обезьян. Исследователи описали затяжные войны между группами и даже явления «геноцида», когда одна группа систематически истребляет членов другой⁴.

Подобным образом, вероятно, была устроена и жизнь древних людей, в том числе первых *Homo sapiens*. Социальный инстинкт побуждает людей, как и шимпанзе, заводить дружеские связи и устанавливать иерархию: наши предки тоже охотились и сражались сообща. Однако социальные инстинкты древнего человека, как и у шимпанзе, распространялись только на маленькую группу. Стоило группе слишком разрастись, как социальные связи в ней нарушались и она распадалась. Даже если какая-нибудь плодородная долина могла прокормить 500 древних сапиенсов, столько чужаков никоим образом не могли ужиться друг с другом: как бы они договорились, кому быть вожаком, кому где охотиться и кому с кем совокупляться?

В результате когнитивной революции сапиенсы начали объединяться в более крупные и стабильные группы. Значительную роль тут сыграло умение сплетничать. Но и у сплетни есть свои ограничения. Социологические исследования показали, что предел «естественных» размеров группы, которую объединяет сплетня, – около 150 особей. Люди не могут сблизиться более чем со 150 представителями своего вида и с удовольствием посплетничать о них.

---

⁴ Michael L. Wilson and Richard W. Wrangham, 'Intergroup Relations in Chimpanzees', *Annual Review of Anthropology* 32 (2003), 363–392; M. McFarland Symington, 'Fission-Fusion Social Organization in *Ateles* and *Pan*', *International Journal of Primatology*, 11:1 (1990), 49; Colin A. Chapman and Lauren J. Chapman, 'Determinants of Groups Size in Primates: The Importance of Travel Costs', in *On the Move: How and Why Animals Travel in Groups*, ed. Sue Boinsky and Paul A. Garber (Chicago: University of Chicago Press, 2000), 26.

Даже сегодня критический порог для организационной деятельности человека ограничен примерно этим магическим числом. В таких пределах компании, социальные сети, общественные организации и военные подразделения могут действовать на основе близкого знакомства и сплетен. Нет надобности в формальной иерархии, званиях и правилах поддержания порядка⁵. Взвод из 30 солдат и даже рота из 100 может отлично функционировать благодаря своим внутренним связям, не нуждаясь во внешней дисциплине. Пользующийся уважением сержант становится «королем», и к нему прислушиваются даже офицеры. Семейный бизнес будет развиваться и процветать без совета директоров, гендиректора и бухгалтерии.

Но стоит преодолеть порог в 150 человек, и прежние структуры перестанут работать. Невозможно управлять дивизией из тысяч солдат, словно взводом. Успешный семейный бизнес сталкивается с кризисом, когда разрастается и приходится нанимать много сотрудников. Если в этот момент не удастся перестроиться, компания обычно разоряется.

Как же *Homo sapiens* ухитрился перешагнуть этот порог, создать города, в которых жили десятки тысяч людей, империи, которые насчитывали сотни миллионов? Тут-то и пригодился язык вымысла. Огромные массы незнакомых друг с другом людей способны к успешному сотрудничеству, если их объединяет миф.

Любое широкомасштабное человеческое сотрудничество – от современного государства до средневековой церкви, античного города и древнего племени – вырастает из общих мифов, из того, что существует исключительно в воображении людей. Два католика, в жизни друг друга не видевшие, могут вместе отправиться в крестовый поход или собирать средства на строительство госпиталя, потому что оба верят, что Бог воплотился в человеке и позволил себя распять, чтобы искупить наши грехи. Государства опираются на национальные мифы. Два незнакомых серба понимают друг друга, поскольку оба верят в существование сербского народа, сербской отчизны и сербского флага. Корпорации выстраивают собственные экономические мифы. Два незнакомых друг с другом сотрудника *Google* эффективно работают вместе, потому что оба верят в существование *Google*, акций и долларов. Судебные системы живут за счет единых юридических мифов. Два незнакомых юриста найдут общий язык: они оба верят в существование законов, справедливости и прав человека.

Но все это существует лишь внутри тех историй, которые люди придумывают и рассказывают друг другу. В реальности нет богов, наций и корпораций, нет денег, прав человека и законов, и справедливость живет лишь в коллективном воображении людей.

Люди с готовностью признают, что первобытные племена скрепляли свой социальный строй верой в призраков и духов; они собирались в полнолуние на совместные ритуальные пляски вокруг костра. Но мы склонны не замечать, что точно так же устроены и наши современные организации. Взять хотя бы корпоративный мир. Современные бизнесмены и юристы – могущественные шаманы. Вся разница между ними и древними шаманами сводится к тому, что современные юристы рассказывают куда более странные истории. Хорошим примером может послужить легенда о *Peugeot*.

* * *

Фигура, немного напоминающая штадельского льва, красуется на легковых автомобилях, грузовиках и мотоциклах, которые можно встретить по всему миру – от Парижа до Сиднея. Эта эмблема украшает продукцию *Peugeot*, старейшего и крупнейшего в Европе автопроизво-

⁵ Dunbar, *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language*, 69–79; Leslie C. Aiello and R. I. M. Dunbar, 'Neocortex Size, Group Size, and the Evolution of Language', *Current Anthropology* 34:2 (1993), 189. Критику этого подхода см.: Christopher McCarthy et al., 'Comparing Two Methods for Estimating Network Size', *Human Organization* 60:1 (2001), 32; R. A. Hill and R. I. M. Dunbar, 'Social Network Size in Humans', *Human Nature* 14:1 (2003), 65.

дителя. Начиналась компания со скромного семейного бизнеса в деревне Валентины, в 300 километрах от пещеры Штадель. Ныне в ней числится около двухсот тысяч сотрудников, разбросанных по всему миру и в большинстве своем друг с другом не знакомых. И эти незнакомцы столь дружно и эффективно работают, что в 2008 году компания произвела более 1,5 миллиона автомобилей и заработала около 55 миллиардов евро.

Лев Peugeot

Photo: Itzik Yahav

В каком смысле мы говорим о существовании *Peugeot SA* (так официально именуется компания)? Автомобилей *Peugeot* мы видим вокруг сколько угодно, однако ведь не саму компанию. Даже если бы все автомобили *Peugeot* одновременно отправились в металлолом, *Peugeot SA* не исчезла бы. Она продолжала бы производить новые машины и публиковать ежегодные отчеты. Компания владеет заводами, станками, демонстрационными салонами, нанимает механиков, бухгалтеров и секретарей, но и это имущество, и эти люди в совокупности тоже не есть *Peugeot*. Если бы стихийное бедствие сгубило всех служащих *Peugeot*, снесло и сборочные цехи, и офисы, все равно компания могла бы взять кредит, пригласить новых сотрудников, построить заводы, купить необходимое оборудование. Компания имеет руководство и акционеров, но и они не есть компания. Всех менеджеров можно уволить, все акции продать, а компания сохранится.

Из этого отнюдь не следует, будто *Peugeot SA* неуязвима и бессмертна. Если судья вынесет постановление о закрытии компании, то заводы никуда не денутся, рабочие, бухгалтеры, менеджеры и акционеры останутся в живых, а вот *Peugeot SA* перестанет существовать. Короче говоря, *Peugeot SA*, по-видимому, не укоренена в материальном мире. Существует ли она на самом деле?

Peugeot – это фикция, порожденная коллективным воображением. Слово «фикция» обозначает нечто вымышленное, то, что существует именно благодаря нашему общему согласию вести себя так, словно оно действительно существует. Юристы так и называют это явление:

«юридическая фикция». Материальной реальности тут можно и не искать, но компания существует в качестве юридического лица. Как вы и я, она подчиняется законам тех государств, где оперирует. Она вправе открыть банковский счет, владеть собственностью. Она платит налоги и может отвечать перед судом по гражданскому и даже по уголовному делу самостоятельно, то есть отдельно от людей, которые работают в ней или являются ее владельцами.

Peugeot принадлежит к особой разновидности юридической фикции: «компания с ограниченной ответственностью». Это одно из самых изощренных человеческих изобретений. Многие тысячелетия *Homo sapiens* ничего подобного не знал. На протяжении почти всей известной нам истории собственностью могли владеть лишь реальные люди, из плоти и крови, – те, кто крепко стоял на ногах и имел соответствующий размер мозга. Если во Франции в XIII веке некий Жан открывал мастерскую по производству карет, он и его бизнес представляли собою практически одно целое. И если бы сколоченная им карета разломалась через неделю после продажи, недовольный покупатель подал бы в суд именно на Жана. Если бы Жан занял у кого-то тысячу золотых, чтобы начать дело, и в результате обанкротился, ему пришлось бы продавать свое личное добро, лишь бы расплатиться. Дом, корову, землю, а может быть, и родных детей. Если бы этого не хватило на покрытие издержек, власти могли посадить Жана в долговую яму или же кредиторы могли обратить его в рабство. Он нес полную, неограниченную ответственность за любые обязательства, которые приняла на себя мастерская.

В ту пору человеку приходилось дважды – да нет, больше раз подумать, прежде чем начать бизнес. Подобная юридическая система не способствовала развитию предпринимательства. Люди опасались открывать собственное дело, брать на себя финансовые риски – ведь в случае провала всей семье грозило разорение и даже утрата свободы.

Вот почему со временем люди и создали этот продукт коллективного воображения – компанию с ограниченной ответственностью. По закону такая компания отделена от людей, которые ее основали, и от тех, которые вложили в нее деньги или же ею руководят. За последние столетия именно такие компании стали лидерами в экономике, мы привыкли к ним и стали забывать, что они существуют лишь в нашем воображении. В США такого рода компании именуются «корпорациями» – забавно, ведь происходит этот термин от латинского *corpus* – «тело», но физического тела у корпорации как раз и нет. Что не мешает американской судебной системе обходиться с корпорациями как с субъектами права: в этом смысле они приравнены к настоящим, из плоти и крови, людям.

Так действовала и французская судебная система, когда в 1896 году Арман Пежо, унаследовавший от родителей металлургический завод по производству пружин, пил и велосипедов, решил выпускать автомобили и основал компанию с ограниченной ответственностью. Компанию он назвал собственным именем – и тем не менее она была от него независимой. Если у кого-то ломалась машина, огорченный покупатель мог судиться с *Peugeot*. Но не с Арманом. И если бы компания, набрав в кредит миллионы, обанкротилась, сам Арман Пежо не был бы должен кредиторам ни франка, ведь заем получила компания *Peugeot*, а не *Homo sapiens* Арман Пежо. *Peugeot*-человек умер в 1915 году. *Peugeot*-компания здравствует до сих пор.

Каким же образом человек по имени Арман Пежо создал *Peugeot*, юридически оформленную компанию? В сущности, тем же способом, каким во все века священники и жрецы создавали богов и демонов, а тысячи французских кюре поныне каждое воскресенье предъявляют своим прихожанам Тело Христово: в основе этих чудес – фикция, которую люди приняли, в которую поверили. Когда католический священник, облаченный в предписанные обрядом одежды, торжественно произносит в определенный момент положенные слова, обычные с виду облатка из теста и вино превращаются в плоть и кровь Христа. Священник провозглашает: «*Hoc est corpus meum!*» («Сие есть тело мое!»), и – фокус-покус – облатка превращается в плоть. Миллионы французских католиков ведут себя так, будто Бог действительно присутствует в освященных вине и хлебе.

Для *Peugeot SA* ключевым сюжетом стал закон, принятый французским парламентом. С точки зрения французского права, если имеющий лицензию юрист выполнит должным образом всю ритуальную последовательность действий, напишет правильные заклятия и заклинания на специально оформленном листе бумаги и скрепит своей подписью с завитушками, то – фокус-покус – появится новая компания. Когда в 1896 году Арман Пежо надумал основать компанию, он заплатил юристу за все эти священные процедуры. И поскольку юрист осуществил все предписанные ритуалы, написал и произнес все положенные заклятия, то миллионы французских граждан поверили в раздвоение Пежо на прежнего Армана-человека и на новенькую компанию *Peugeot SA*, к которой они стали относиться со всем подобающим такой корпорации почтением.

Сочинить жизнеспособный сюжет не так-то просто. Жрецы и священники должны были хорошо разбираться в возможностях, предпочтениях и даже капризах бесчисленных богов, духов и демонов. Например, если во время засухи заклинатель хотел вызвать дождь, прежде всего ему требовалось знать, какое божество контролирует погоду. Можно ли, к примеру, выпросить дождь у владыки морей или же за это отвечает исключительно покровитель ветра? Чтобы выяснить это, колдун всматривался в мифы, в различные истории, которые его племя рассказывало о богах. Сходным образом, когда юристу нужно разобраться в правах и обязанностях компании с ограниченной ответственностью, он изучает набор правил, составленных его обществом (правда, свод этих сюжетов, «предпринимательское право», куда скучнее мифов). Юристы, занимающиеся предпринимательским правом, подробно, изо дня в день, изучают такие сюжеты и бесконечно дискутируют с коллегами, имеет ли корпорация такое-то или такое-то конкретное свойство или нет. Например, может ли она владеть территорией? Может ли вести войны? Монополизировать какую-то отрасль?

* * *

Все это стало возможно благодаря развитию языка воображения: с его помощью мы представляем себе и описываем явления, существующие исключительно внутри наших рассказов. И штадельский человеколев, и компания *Peugeot* сделаны не из атомов, не из живых белков, а из вымысла. За века и тысячелетия люди научились сочинять чрезвычайно сложные сюжеты. В этой сети мифов фикции, подобные *Peugeot*, не только существуют, но и накапливают неслыханную мощь – они гораздо сильнее льва или целой львиной стаи. Однако вне такой сети их существование невозможно. Если бы все сапиенсы дружно утратили способность обсуждать то, чего не существует в реальности, компания *Peugeot* исчезла бы во мгновение ока, а с ней вместе биржи, религии, государства, деньги и права человека.

В научных кругах такие явления, которые порождаются мифами и иными сюжетами, именуются «фикциями», «социальными конструктами» или «воображаемыми реальностями». Воображаемая реальность – вовсе не ложь. Солгать – значит сказать, что у реки ты видел льва, когда на самом деле ты прекрасно знаешь, что никакого льва там нет. Сама по себе ложь – даже не привилегия сапиенсов. Зеленые мартышки уличены во лжи: они испускают клич, предупреждающий о приближении льва, когда никакого льва нет и в помине. Отпугнув таким образом сородича, только-только подобравшегося к банану, лжец завладевает лакомством. В отличие от лжи, воображаемая реальность есть то, во что верят все, и пока эта общая вера сохраняется, выдумка обладает вполне реальной силой. Скорее всего, штадельский скульптор искренне верил в человека-льва, духа-хранителя племени. Среди шаманов попадаются шарлатаны, но большинство из них искренне верят в существование богов и демонов, а большинство миллионеров столь же искренне верят в существование денег и компаний с ограниченной ответственностью. Правозащитники обычно верят в права человека, и, когда в 2011 году ООН потребовала от ливийского правительства соблюдения прав человека в стране, это никто не

воспринял как ложь, хотя и ООН, и Ливия, и права человека – всего лишь плод нашего богатого воображения.

Обойти геном

Способность создавать воображаемую реальность из слов позволяет множеству незнакомых друг с другом людей работать вместе. Даже более того: поскольку широкомасштабное сотрудничество основано на мифе, способ сотрудничества можно изменить, изменив сам миф, то есть рассказав иной сюжет. В определенных обстоятельствах мифы меняются очень быстро. В 1789 году французы чуть ли не за ночь переключились с мифа о божественном праве королей на другой миф – о власти, принадлежащей народу. Со времен когнитивной революции сапиенсы обрели способность быстро пересматривать свое поведение, приспосабливая его к меняющимся нуждам. Таким образом культурная эволюция перешла на полосу обгона, обойдя заторы на пути эволюции генетической. На этой полосе *Homo sapiens* быстро опередил и прочих животных, и другие виды людей именно в способности к сотрудничеству.

Шимпанзе и слоны при всем их разуме и смекалке революций не совершают. Шимпанзе от природы склонны жить в группе из нескольких десятков особей во главе с альфа-самцом. Близкие их родственники, мелкие бонобо, также соединяются в группы, где присутствуют и самки, и самцы, однако вожаком обычно становится самка. У слонов самки вместе с отпрысками объединяются в матриархальные стада, а взрослые самцы живут поодиночке. Не все определяется ДНК: на поведение животных также влияют окружающая среда и личные вкусы. Тем не менее в стабильных условиях животные одного вида ведут себя достаточно предсказуемо. Заметные перемены в поведении, как правило, происходят в связи с генетическими мутациями. Самки шимпанзе не берут примера с бонобо и не затевают феминистических революций. Самцы шимпанзе не созывают конституционных собраний, дабы свергнуть альфа-самца и провозгласить отныне и навек равенство всех особей в группе. Для подобных радикальных перемен сначала понадобилась бы генная мутация.

По тем же причинам не совершали переворотов и древние люди. Насколько мы можем судить, изменение социального уклада, изобретение технологий, освоение новых земель всегда оказываются следствием генных мутаций и влияния окружающей среды, а не культурной инициативы. Сотни тысяч лет понадобились людям на первые шаги. Два миллиона лет назад генная мутация привела к появлению нового вида человека, *Homo erectus*. Человек прямоходящий создал новую, более эффективную технологию каменных орудий труда, которая и считается главным достижением этого вида. Но пока в генах *Homo erectus* не произошли очередные изменения, каменные орудия оставались неизменными – и так миллион с лишним лет!

Альфа-самец у католиков отказывается от половой жизни и выведения потомства, хотя этой жертвы не требуют ни экологические, ни генетические факторы

© Korea.net / Korean Culture and Information Service (Jeon Han)

И напротив, после когнитивной революции сапиенсы научились быстро корректировать свое поведение и передавать новые навыки следующим поколениям – для этого им уже не требовалось ни генетических мутаций, ни перемен в окружающей среде. Наглядный пример – складывающиеся в разных культурах бездетные элиты, такие как католические и буддистские монахи, китайские бюрократы-евнухи. Сам факт существования подобных элит противоречит фундаментальным принципам естественного отбора, ведь господствующие члены общества добровольно отказываются от права на потомство. У шимпанзе альфа-самец использует свое преимущество именно для того, чтобы совокупляться со всеми (или почти всеми) самками и таким образом передавать свои гены большей части детенышей, а католический альфа-самец воздерживается от секса и деторождения. Этот отказ объясняется не специфическими условиями окружающей среды, такими как недостаток пищи или потенциального партнера, не вызван он и прихотями генетической мутации. Католическая церковь прожила уже немало веков, передавая от иерарха к иерарху не «ген целибата», а Новый Завет и каноническое право.

Иными словами, если архаические виды человека сохраняли усвоенное поведение на протяжении сотен тысяч лет, то сапиенсы способны изменить социальный уклад, характер межличностных отношений, экономическую деятельность и другие формы поведения за десять-двадцать лет. Можно изменить воображаемую реальность католической церкви, Peugeot, племени охотников и собирателей, вовсе не меняя при этом ДНК всех поголовно хри-

стиан, всего штата сотрудников *Peugeot* или всех членов племени. И в этом оказался ключ к успеху *Homo sapiens*. В драке один на один победителем, скорее всего, вышел бы неандерталец, но в споре сотен и тысяч у неандертальцев не было бы и доли шанса. Неандерталец умел сообщать своим сородичам, где таится лев, но не умел передавать – и перекраивать – предания о духах предков. Поскольку неандертальцы не обладали способностью сочинять – они не могли и эффективно сотрудничать большими группами, приспособить социальное поведение к быстро меняющимся обстоятельствам.

Мы не сумеем проникнуть в мозг неандертальца и выяснить, как он мыслил, но косвенным свидетельством ограниченности его когнитивных способностей по сравнению с сапиенсами мы располагаем. При раскопках поселений сапиенсов в глубине европейского материка (примерно 30-тысячелетней давности) археологи натываются порой на раковины со средиземноморского и атлантического побережья. Так далеко от моря ракушки могли попасть лишь благодаря торговле или обмену между различными племенами сапиенсов. В поселениях неандертальцев не обнаружено и следа подобной деятельности: каждая группа создавала инструменты лишь из подручного материала⁶.

Другой пример находим в южной части Тихого океана. Племена сапиенсов, обитавшие на острове Новая Ирландия, к северу от Новой Гвинеи, изготавливали высокопрочные и острые инструменты из вулканического стекла – обсидиана. Однако на этом острове нет природных источников обсидиана. Лабораторный анализ показал, что обсидиан, из которого жители Новой Ирландии делали свои инструменты, доставлялся с другого острова – Новой Британии – за 400 километров⁷. Значит, среди островитян были опытные моряки, плававшие по морю на достаточно большое расстояние. На первый взгляд обмен кажется в высшей степени прагматичным занятием, не требующим фиктивной основы. Но факт остается фактом: ни одно животное, кроме сапиенса, не занимается обменом, а все системы обмена сапиенсов были основаны на фикциях. Обмен не может существовать без доверия, а поверить чужаку очень непросто. Современная всемирная сеть торговли основана на таких фиктивных сущностях, как валюты, банки и корпорации. Когда в родоплеменном обществе два незнакомых человека хотели совершить обмен, они устанавливали доверие, обращаясь к общему богу, мифическому предку или тотемному животному. В современном обществе на банкнотах обычно изображают религиозные символы, великих предков или корпоративные тотемы. А если сапиенсы обменивались ракушками и обсидианом, они тем более могли передавать друг другу информацию, расширяя таким образом сеть знаний, – ничего подобного у неандертальцев и других древних не было.

Следует также указать на различия в технике охоты. Неандертальцы охотились по большей части в одиночку или небольшими группами, а сапиенсы выработали технику, основанную на взаимодействии десятков соплеменников, а порой и нескольких племен. Особенно эффективным оказался такой прием: полностью окружить стадо диких животных и загнать в узкое ущелье, где с ними гораздо легче справиться. Если этот план удавалось осуществить, то за полдня общими усилиями люди получали тонны мяса, жира и множество шкур. Археологи обнаружили места, где такие облавы устраивались ежегодно. Сооружались даже заборы и другие препятствия, искусственные ловушки и специальные площадки для забоя.

⁶ Yvette Taborin, 'Shells of the French Aurignacian and Perigordian', in *Before Lascaux: The Complete Record of the Early Upper Paleolithic*, ed. Heidi Knecht, Anne Pike-Tay and Randall White (Boca Raton: CRC Press, 1993), 211–228.

⁷ G.R. Summerhayes, 'Application of PIXE-PIGME to Archaeological Analysis of Changing Patterns of Obsidian Use in West New Britain, Papua New Guinea', in *Archaeological Obsidian Studies: Method and Theory*, ed. Steven M. Shackley (New York: Plenum Press, 1998), 129–158.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ КОГНИТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Теория	Какая уникальная способность человека порождена когнитивной революцией?	Преимущества
Там-у-реки-лев	Способность передавать большие объемы информации об окружающем мире	Возможность планировать и осуществлять сложные действия, например спастись от львов и охотиться на бизонов
Сплетни	Способность передавать большие объемы информации об отношениях между сапиенсами	Возможность создавать большие и сплоченные группы числом до 150 членов
Язык вымысла	Способность передавать большие объемы информации о не существующих в реальности вещах, таких как духи племени, государства, компании с ограниченной ответственностью или права человека	А. Возможность сотрудничества большого числа незнакомых друг с другом людей. Б. Быстрая адаптация социального поведения

Вероятно, неандертальцы не очень-то радовались, когда их охотничьи угодья превратились в принадлежащие сапиенсам скотобойни. Однако, если это недовольство привело к конфликту, шансов у неандертальцев было не больше, чем у диких лошадей. Полсотни неандертальцев, взаимодействующих по традиционному, статичному плану, – отнюдь не соперники пятидесяти практичным, изобретательным сапиенсам. И даже если в первом раунде сапиенсы проигрывали, они быстро придумывали новые уловки и побеждали в матче-реванше.

История и биология

Из огромного разнообразия изобретаемых сапиенсами реальностей и не меньшего разнообразия обусловленных этими воображаемыми реальностями форм поведения складывается то, что мы нынче именуем «культурами». Любая культура с самого момента своего возникновения непрерывно меняется и развивается, и это вечное движение мы называем «историей».

Когнитивная революция – тот момент, когда история расходится с биологией. Дальше в рассказе о развитии человечества биологические теории сменяются историческим повествованием. Чтобы осмыслить торжество христианства или Французскую революцию, недостаточно просчитать взаимодействие атомов, молекул или организмов – нужно учитывать взаимодействие идей, образов и фантазий.

Это не означает, что человек и его культура освободились от биологических законов. Мы как были животными, так и остались, наши физические, эмоциональные и когнитивные способности по-прежнему определяются нашей ДНК. Наши общества складываются из тех же кирпичиков, что и племя неандертальцев или шимпанзе, и чем внимательнее мы изучаем эти кирпичики – ощущения, чувства, семейные узы, – тем меньше видим различий между собой и приматами.

Однако напрасно искать отличия на уровне индивидуума или семьи. Если сравнивать одну человеческую особь или даже десяток с равным числом шимпанзе, сходство окажется даже несколько смущающим. Существенные отличия проступают лишь начиная с 150 членов племени или сообщества, на уровне же 1000–2000 индивидуумов разница бросается в глаза. Если заманить тысячи шимпанзе в здание нью-йоркской биржи, на стадион «Янки», в Капитолий или в штаб-квартиру ООН, начнется невообразимое столпотворение. Но сапиенсы регулярно собираются в подобных местах тысячами и десятками тысяч. Они организуют торговые сети, массовые мероприятия и политические институты – все то, что не может функционировать в изоляции. Подлинное отличие человека от шимпанзе – этот таинственный клей, соединяющий большие группы людей, от семьи до нации. Он-то и сделал человека царем всего живого.

Конечно, сыграли свою роль и другие навыки, в частности, умение изготавливать и использовать инструменты. Но от инструментов было бы мало проку, если бы люди не научились сотрудничеству. Откуда у нас взялись межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками, если 30 тысяч лет назад имелись только палки с кремневыми наконечниками? Чисто биологическая способность изготавливать инструменты за прошедшие тысячелетия ничуть не изменилась – Альберт Эйнштейн вряд ли превзошел бы по этой части древнего охотника-собиранья. Зато поразительно возросла способность взаимодействовать с незнакомыми людьми. Мастер-одиночка мог произвести кремневый наконечник копья за несколько минут, если пользовался помощью и советами двух-трех товарищей. Для изготовления ядерной боеголовки требуется сотрудничество миллионов людей во всем мире, начиная с тех, кто добывает из земных недр уран, и заканчивая физиками-теоретиками, которые своими длинными формулами описывают процессы, происходящие внутри атома.

* * *

Подведем итоги – как соотносятся биология и история после когнитивной революции.

А. Биология задает базовые параметры поведения и развития *Homo sapiens*. История разворачивается внутри заданных биологией рамок.

Б. Эти рамки, однако, чрезвычайно широки и позволяют сапиенсам играть в самые разные игры. Благодаря языку воображения сапиенсы изобретают все более сложные игры, каждое поколение дополняет их, и таким образом продолжается развитие.

В. Чтобы понять поведение сапиенсов, нужно рассмотреть историческую эволюцию их действий. Если бы мы обсуждали только биологическую сторону, это выглядело бы как радиорепортаж с мундиала, когда комментатор описывает лишь футбольное поле, никак не поясняя действия игроков.

В какие же игры играли на исторической арене наши предки в каменном веке? Насколько нам известно, около 30 тысяч лет тому назад создатели штадельского человекольва обладали теми же физическими, эмоциональными и интеллектуальными качествами, что и мы. Как они вели себя, проснувшись поутру? Что ели на завтрак и что на обед? Каким было их общество? Существовал ли у них моногамный брак и семья? А обряды, моральные нормы, спортивные состязания и религиозные ритуалы? А войны? Следующая глава – это попытка заглянуть за

завесу тысячелетий, чтобы увидеть, какой была жизнь в тысячелетие между когнитивной и аграрной революциями.

Глава 3

Один день из жизни Адама и Евы

Чтобы понять нашу природу, историю и психологию, нужно проникнуть в голову охотников и собирателей каменного века. Период охоты и собирательства составляет большую часть истории сапиенсов. Последние 200 лет, когда все большее число сапиенсов добывает хлеб свой насущный работой на заводах и в офисах, и предшествовавшие им 10 тысяч лет, когда сапиенсы были земледельцами и пастухами, являются мгновением по сравнению с десятками тысячелетий, на протяжении которых наши предки охотились и собирали растительную пищу.

Эволюционная психология утверждает, что многие современные психологические и социальные особенности человека сформировались в тот длительный период истории до эпохи сельского хозяйства. Наш мозг и мысли до сих пор соответствуют жизни охотой и собирательством. Наши пищевые привычки, наши конфликты и наша сексуальность – все обусловлено взаимодействием мозга охотника и собирателя с нынешней постиндустриальной средой, мегаполисами, самолетами, телефонами и компьютерами. Эта среда обеспечивает нас такими материальными благами и такой продолжительностью жизни, о какой прежние поколения и не мечтали, но мы испытываем стресс, чувствуем отчуждение, впадаем в депрессию. Чтобы понять, отчего так происходит, нужно попытаться погрузиться в тот мир охотников и собирателей, который нас сформировал. В мир, в котором так и застряло наше подсознание.

Почему, к примеру, мы такие толстые? Современные богатые страны безуспешно борются с ожирением. Мы едим, едим и едим, даже когда не нуждаемся в подкреплении сил. Хуже того, мы обжираемся самой соленой, сладкой, жирной, высококалорийной пищей, до какой только можем добраться. Эта загадка решается, если вспомнить пищевые привычки наших предков. В саванне и в лесу, где они обитали, высококалорийные сладости попадались чрезвычайно редко, да и вообще с едой было не очень. 30 тысяч лет назад собиратель знал лишь один вид десерта – спелые фрукты. Если женщина каменного века набредала на фиговое дерево, гнущееся под тяжестью урожая, самым разумным было съесть как можно больше плодов прямо на месте, пока до них не добрались бабуины. Инстинкт, побуждающий впихивать в себя высококалорийную пищу, сидит у нас в генах. Даже если теперь мы живем в роскошных апартаментах со всеми удобствами, где холодильник набит под завязку, наша ДНК все еще думает, что мы бегаем по саванне. Вот что заставляет нас выскребать до последней ложечки ведерко шоколадного пломбира и запивать кока-колой.

Теория «обжорного гена» ныне общепринята, но есть и другие, пока обсуждаемые теории. Например, некоторые эволюционные психологи считают, что древние собиратели не жили моногамными семьями, а собирались своего рода коммунами, где отсутствовали понятия частной собственности, единобрачия и даже отцовства. В такой группе женщина могла наслаждаться близкими отношениями и сексом одновременно с несколькими мужчинами (и даже с женщинами). В воспитании детей участвовало все племя. Поскольку мужчины не могли отличить своих детей от неродных, они равно заботились обо всех.

Подобная социальная структура – не утопия эры Водолея. Она широко распространена у животных, в том числе у наших ближайших родичей, шимпанзе и бонобо. По наблюдениям антропологов, до сих пор существуют изолированные культуры, где практикуется коллективное отцовство. Согласно поверьям таких обществ, ребенок рождается не от спермы конкретного мужчины, а от аккумулируемой в женской утробе спермы многих партнеров. И хорошая мать старается вступить в половую связь с выдающимися членами племени, особенно в период беременности, чтобы ребенок унаследовал и ловкость лучшего охотника, и фантазию сказителя, и силу храброго воина, и чувственность нежного любовника. Это кажется вздором?

Учтите: до появления современной эмбриологии люди не располагали доказательствами того, что ребенок рождается от единственного отца, а не от многих.

Сторонники этой теории «архаической коммуны» утверждают, что супружеские измены и высокий процент разводов, не говоря уж о множестве психических расстройств, от которых страдают и дети, и взрослые, возникают из-за того, что людей вынудили жить в малой семье и моногамных отношениях, а это не соответствует их биологической природе⁸.

Многие ученые яростно опровергают подобную теорию, настаивая, что и моногамия, и семейная жизнь запрограммированы природой человека. Хотя общество древних охотников-собирателей и было более эгалитарным, чем современное, и элементы коммуны в нем имелись, но, по мнению этих исследователей, даже тогда общество делилось на отдельные ячейки, состоявшие из супружеской пары и их общего потомства. Потому, дескать, и поныне моногамные отношения и малые семьи считаются нормой в большинстве культур и повсюду мужчины и женщины ревниво цепляются за своих партнеров и детей, а в некоторых государствах – например в Северной Корее и Сирии – власть до сих пор передается от отца к сыну.

Чтобы разобраться в этом споре, следует побольше узнать об условиях, в которых жили наши предки десятки тысяч лет тому назад, между когнитивной революцией (70 тысяч лет назад) и началом сельскохозяйственной революции примерно 12 тысяч лет назад.

* * *

К сожалению, достоверными свидетельствами мы почти не располагаем. Весь спор между приверженцами «архаической коммуны» и «извечной моногамии» основан на очень небольшом количестве фактов. Письменных источников той эпохи, разумеется, нет, а археологические находки сводятся к окаменевшим костям и каменным инструментам. Артефакты, изготовленные из более хрупких материалов – дерева, тростника, кожи – сохраняются лишь при уникальном везении. Само понятие «каменный век» и представление, будто до эпохи сельского хозяйства люди не знали ничего, кроме камня, проистекает из этого археологического казуса. Гораздо точнее было бы именовать тот период «деревянным веком». Большая часть инструментов древних охотников и собирателей была сделана из дерева, однако теперь мы находим в основном каменные орудия, потому что камень сохраняется гораздо лучше, чем дерево.

Реконструировать жизнь древних людей на основании сохранившихся предметов весьма проблематично. Одно из самых очевидных отличий между тогдашними охотниками-собираателями и их потомками аграрной и индустриальной эпох заключается в том, что собиратели обходились очень небольшим количеством вещей, да и те играли в их жизни малозначительную роль. За свою жизнь гражданин развитой страны становится владельцем – постоянным или временным – миллионов изделий: от домов и машин до памперсов и молочных пакетов. Всякий род деятельности, вера или даже эмоция выражаются рядом артефактов. Скажем, наши пищевые привычки породили безумное множество предметов и институтов, от стаканов и ложек до генетических лабораторий и океанских судов. А сколько у нас игрушек, от карт до стадионов на 100 тысяч мест! Наши романтические и сексуальные отношения скрепляются кольцами, кроватями, красивой одеждой, сексуальным бельем, презервативами, модными ресторанами, дешевыми мотелями, агентствами знакомств, залами ожидания в аэропортах, свадебными залами и компаниями по доставке угощения. Религия освящает важные дни нашей жизни в готических соборах и в мечетях, в индуистских храмах и синагогах, нам требуются свитки Торы, тибетское молитвенное колесо, рясы священников, свечи и благовония, рождественские елки, маца, могильные памятники, иконы.

---

⁸ Christopher Ryan and Cacilda Jethá, *Sex at Dawn: The Prehistoric Origins of Modern Sexuality* (New York: Harper, 2010).

Мы не замечаем, сколько у нас добра, пока не придется переезжать. Наши кочевые предки меняли место обитания каждый месяц, а то и каждую неделю, даже каждый день. Закидывали мешок со всем имуществом на спину – и вперед. И ни компаний, занимающихся перевозкой, ни транспорта, даже – на первых порах – гужевого. Соответственно, всегда иметь с собой люди могли только самое необходимое. Значит, их умственная, религиозная и эмоциональная жизнь не опиралась на артефакты. Археологи, которые будут рыться в земле через 100 тысяч лет после нас, смогут восстановить достаточно близкую к истине картину мусульманской веры и обрядов по миллионам предметов, которые они откопают на месте разрушенной мечети. Но нам сегодня затруднительно восстановить верования и ритуалы древних охотников и собирателей – это примерно так же сложно, как если бы будущий историк вздумал реконструировать общение современных подростков лишь на основе сохранившейся после них бумажной переписки – ведь от телефонных разговоров, электронных посланий, блогов и СМС не останется и следа.

Вот почему наши представления о жизни охотников и собирателей будут искажены, вздумай мы полагаться только на археологические находки. Как восполнить этот недостаток информации? Давайте присмотримся к современным примитивным обществам. Антропологи могут наблюдать их вживую. Однако следует соблюдать величайшую осторожность, экстраполируя черты современного общества собирателей в древность.

Во-первых, все подобного рода общества, сохранившиеся до современной эпохи, ощущают влияние соседствующих с ними аграрных и индустриальных обществ, а потому рискованно было бы переносить все их свойства на общества, существовавшие без подобного соседства десятки тысяч лет тому назад.

Во-вторых, современные примитивные народы уцелели главным образом на территориях с тяжелым климатом, в зонах, непригодных для земледелия. Люди, приспособившиеся к экстремальным условиям пустыни Калахари в Южной Африке, едва ли могут служить моделью для восстановления жизни древних народов в плодородной долине реки Янцзы. Плотность населения в таких регионах, как пустыня Калахари, намного ниже, чем была в долине Янцзы даже в глубокой древности, а этот фактор существенно влияет на размер и структуру человеческих сообществ и на отношения между ними.

В-третьих, одна из самых замечательных особенностей примитивных обществ охотников и собирателей – их многообразие. Отличия наблюдаются не только между разными частями света, но и в пределах одного региона. Прекрасный пример – то разнообразие, которое наблюдали первые европейцы, ступившие на землю Австралии: к моменту британского завоевания аборигены, числом от 300 до 700 тысяч, представляли несколько сотен (от 200 до 600) племен, каждое из которых насчитывало несколько кланов⁹. Каждое племя имело свой язык, религию, общепринятые нормы и обычаи. Например, вокруг современной Аделаиды в Южной Австралии жило несколько патрилинейных кланов, отсчитывавших родство по отцовской линии. Эти кланы объединялись в племена строго по территориальному признаку. Некоторые племена на севере Австралии, напротив, большее значение придавали происхождению по матери, и племенная принадлежность в них определялась тотемом, а не территорией.

---

⁹ Noel G. Butlin, *Economics and the Dreamtime: A Hypothetical History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), 98–101; Richard Broome, *Aboriginal Australians* (Sydney: Allen & Unwin, 2002), 15; William Howell Edwards, *An Introduction to Aboriginal Societies* (Wentworth Falls, N.S.W.: Social Science Press, 1988), 52.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.